

Вероника Шеншина
(Финляндия)

А. ФЕТ И СИМВОЛИСТЫ

*К*онстантин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок и личный друг Фета Владимир Соловьев — поэты рубежа XIX—XX веков, принадлежавшие к литературному направлению символистов, — взяли многое от поэзии Фета, от его лирического начала, музыкальности и метафизических воззрений. Их лирика во многом обязана ему своим развитием.

Поэты-символисты не только учились у Фета, они писали о его произведениях критические статьи и тем самым ввели его лирику в русло русской поэ-

зии. Связав ее с символизмом, они сделали из нее образец для молодых поэтов, которые обнаружили духовное родство с Фетом, уловили сходные черты лирической поэтики. Так, в 1903 году, в десятую годовщину со дня смерти Фета, Брюсов опубликовал в журнале «Мир искусства» статью о месте Фета в русской поэзии [3, с. 25—30]. Бальмонт в своей книге «Горные вершины» (1904) также анализирует поэзию Фета [1, с. 63—71, 81—92].

Бальмонт утверждал, что поэзии Фета, в отличие от Пушкина и Лермонтова, свойственна таинственность, которая является одной из главных отличительных особенностей произведений поэтов-символистов [Там же, с. 63].

Эстетика ранних символистов характеризуется не только красотой и гармонией, но включает в себя также национальные и исторические идеи. Вл. Соловьев и А. Блок, например, в стихотворении «Ex Oriente Lux» (1890) и поэме «Скифы» (1918) развивали геополитические темы.

В своих взглядах символисты во многом сближались с Фетом. Как Фет находил красоту в созерцании вечного, в свете Истины, которая

не омрачена мировым злом, так и Владимир Соловьев создавал утопию, которая была бы одновременно как религиозной, так и этической и тем самым стояла ближе к религиозным идеям Достоевского и этическим — Толстого в том виде, как они воплощены в таких произведениях этих великих писателей, как «Идиот» и «Братья Карамазовы» Достоевского и «Война и мир» Толстого¹.

В то же время Фет во многом расходился с символистами. Так, пессимизм декадентов, с которыми мы сталкиваемся у Федора Сологуба и Брюсова позднего периода, не совпадает со стремлением Фета поднять искусство над уродливостью и убожеством человеческого разума.

По мнению Фета, сущность красоты в искусстве состоит в том, что она обособлена от материального мира. Искусство, с его точки зрения, есть бескорыстное удовлетворение чувства идеальной красоты. Оно присуще нравственной аристократии, колющей глаза нравственному плебею.

В 1888 году он писал: «Конечно, если бы я никогда не любовался тяжеловесной косой и чистым пробором густых женских волос, то они не возникали бы у меня в стихах, но нет никакой необходимости, чтобы каждый раз мое стихотворение было буквальным сколком пережитого момента» [8, т. 2, с. 179].

Несомненно, что источником творческих импульсов и вдохновения для поэта служит окружающий мир. Однако если перед нами художник-творец, то он начинает с более высокого уровня, а именно с чистого восприятия, отделяя крупницы золота от песка. По мнению Фета, назначение искусства состоит в том, чтобы открывать красоту тому, кто способен ее воспринять, давая ему возможность получить эстетическое наслаждение, а подчас и испытать мистические переживания, освобождаясь от повседневных земных забот. «Искусство, — писал он, — есть высшая нелицемерная правда, беспристрастнейший суд, перед которым нет предметов грязных и низких. Она осуждает только свою преднамеренность, свою грязь, свои цинические наросты. Искусство в этом отношении настолько выше всякой земной мудрости, насколько любовь выше знания. Мудрость судит факты, искусство всецельно угадывает родственную красоту» [6]. Фет находит красоту в любви и гармонии, в стихийных силах и вечной духовной сущности вселенной, отражающей небесное в земном.

Для Владимира Соловьева и Александра Блока духовное единство не было стихийной силой. Оно воплощалось в реальные формы, в «женскую красоту».

¹ Вл. Соловьев был близким другом Достоевского. Считают, что он послужил прототипом Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы».

Вл. Соловьев и А. Фет

Основой философии Владимира Соловьева, проникнутой мистицизмом, является учение о Святой Софии. Критик Константин Мочульский оценивает учение Владимира Соловьева как «искусственную и рациональную попытку объединить западноевропейскую философию с восточным православием. <...> Его часто считают гностиком и теософом, который познакомился с мистицизмом по трудам Якоба Бёма и Филиппа Парацельса. <...> Совершенно очевидно, что в основе учений Соловьева лежит мистический опыт» [5, с. 19].

В поэме «Три свидания» (1898) Соловьев рисует три воображаемых встречи с таинственной подругой, женщиной-призраком — Софией. Первая встреча с ней произошла в русской православной церкви во время литургии. Хор пел «Иже херувимы тайно образующие». Поэту было тогда девять лет. Описывая эту первую встречу, Вл. Соловьев ссылается на стихотворение Фета «Был чудный майский день в Москве...» Так же, как и у Фета, тон здесь задает пение церковного хора, символически подымающее человека в иной, высший мир:

И в первый раз, — о как давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой сладких снов.

Мне девять лет, она... ей — девять тоже.
«Был майский день в Москве», как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, Боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль! Дуэль! Обедня в Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское... отложим... попеченье —
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт... Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

Психологической основой мистического переживания, по мнению Соловьева, служит возбуждение: «душа кипит в потоке страстных мук». Однако само по себе это переживание не продолжает мук. Оно представляет собой лишь подготовку к нему, а не его следствие. Напротив, достаточно одного лишь проблеска небесной любви, чтобы отделить мирские страсти от духовных переживаний. Выражения, которыми пользуется здесь Соловьев, явно заимствованы у Фета: «звук тянулся и замирал», «в душе моей пронизана лазурью золотистой» (лазурь — это обычный цвет православных церквей в России). Таинственность видения подчеркивается словами: «цветок нездешних стран» и «скрылася в туман». Юмористический конец стихотворения, относящийся к плохо говорящей по-русски немке-гувернантке, подчеркивает достоверность происходящего.

Вторая встреча с Софией произошла в Британском музее в Лондоне, третья — в песках Египта. София — героиня произведения Владимира Соловьева — воплощение вечной женственности. Ее характер сочетает в себе любовь и доброту, а появление предвещает счастье человечества в будущем [10, с. 384].

Цикл стихов о Прекрасной даме Блока (1905) — «это поэтический дневник его страстного стремления к соединению со святой Софией, что стало наиболее совершенным воплощением религиозных устремлений русского символизма» [9, с. 416]. По мнению Бальмонта, поэзия Фета, в противоположность тютчевской, которую он считает суровой и мужественной, является нежной и женственной. Фет особенно подчеркивает изящество женской красоты, он был влюблен в жизнь, как в женщину [1, с. 89].

В статье «О лирической поэзии по поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890) Вл. Соловьев признает влияние лирики Фета на свои произведения [7, с. 210]. К. Мочульский считает, что Соловьева особенно привлекала «телесность и материальность» поэзии Фета [5, с. 158].

С этим, конечно, трудно согласиться, так как метафизическая лирика Фета, его духовное стремление к единению природы и вселенной, к Истине и Красоте создает основу для дальнейшего развития любовной лирики Соловьева и его учения о Софии. Идею единения Соловьев всегда определял как нераздельное триединство: Истины, Доброты и Красоты.

Вл. Соловьев восхищался талантом Фета, его добротой, острым пронизательным умом. Он писал в посвященном своему любимому поэту стихотворении:

А. А. Фету, 19 октября 1884 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.

И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега,

И пышный лавр среди степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.

Соловьев говорит здесь, что песни Фета преодолевают время и пространство. Под «орлом поэзии» в последней строфе стихотворения он подразумевает Пушкинскую премию, которую Фету вручили в 1884 году.

Дружба Соловьева с Фетом завязалась в 1880-х годах. Он часто навещал его в Воробьевке. Вместе они переводили латинских поэтов. В 1881 году вместе с Н. Н. Страховым и С. А. Толстой Соловьев занялся изданием «Фауста» Гёте в переводе Фета.

Близость Вл. Соловьева к Фету подтверждает и Валерий Брюсов. «Владимир Соловьев, — писал он, — в стихотворстве был учеником Фета. Его ранние стихи до такой степени перенимают внешние приемы учителя, что их можно было бы почти нечувствительно присоединить к сочинениям Фета, как к собраниям стихов Овидия присоединяют его безымянных подражателей. Таковы, например, стихи "Пусть осень ранняя смеется надо мной...", "Нет вопросов давно и не нужно речей..." и т. п. ...Но самобытная, сильная личность Вл. Соловьева не могла не сказаться скоро и в его поэзии. В то время как в поэзии Фета начало художественное преобладало, Вл. Соловьев сознательно предоставил в своих стихах первое место — мысли» [3].

Однако в личном плане у Владимира Соловьева с Фетом было мало общего. Хотя оба они испытывали внутреннюю борьбу между верой и неверием, сердцем и рассудком, взгляды на мир у них были противоположные. В четырнадцатилетнем возрасте религиозные воззрения Владимира Соловьева изменились; проходя период юношеского ате-

изма, он выступил против церковного вероучения, что было вообще характерно для нигилистических взглядов 1860-х годов.

Позже в своих философских сочинениях Владимир Соловьев увлекся мистицизмом и захотел объединить церкви Востока и Запада. Фет же продолжал придерживаться своих взглядов на роль искусства как явления, независимого от общества, и к течениям своего времени не примкнул. А Соловьев в эпиграммах и иронической лирике продолжил тенденции пародирования стихотворений Фета в духе Козьмы Пруткива, подобно тому как в 1860-е годы поэты «Искры» Василий Богданов и Николай Курочкин время от времени осыпали насмешками как самого Фета, так и его философию. Блок назвал этот вид иронии болезнью. «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа "иронией"» [2, с. 345].

Блок упрекал Владимира Соловьева за то, что тот болен этой болезнью — разрушительным, бессмысленным и отчаянным смехом одержимых [Там же, с. 346]. В более поздних произведениях Соловьева иронии становится меньше, а в поэме «Три свидания» (1998) она переходит в романтическую самоиронию, выступающую как антоним мистицизму [4, с. 47]. Подобный дуализм был типичен для Соловьева.

Вл. Соловьев ценил музыкальность стихотворений Фета, обилие и разнообразие звуков в его лирике. В 1889 году он написал Фету следующее письмо: «Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется также вам меньшая братия: слепой жук и вечерние мошки, кричащий коростель и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконец приветствую Вас и я в виде того серого камня, который Вы помянули добрым словом... Бесценный мой отрезок настоящей, неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание» (цит. по: [5, с. 156]).

Мочульский в своей работе свидетельствует о том, что письма Владимира Соловьева к Фету написаны с теплотой и нежностью, говорящей о глубокой дружбе между поэтами. Со своей стороны, Фет посвятил Соловьеву два стихотворения с единым названием: «В. С. Соловьеву». В стихотворении 1885 года Фет раскрывает молодому поэту источники своего вдохновения:

Ты изумляешься, что я еще пою —
Как будто прежняя во храм вступает жрица —
И, чем-то молодым овевая песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная рясница.

Не всё же был я стар, и жизненных трудов
Не вечно на плеча ложилася обуза:
В беспечные года, в виду ночных пиров,
Огни потешные изготавляла Муза.

Как сожигать тогда отрадно было их
В кругу приятелей, в глазах воздушной феи!
Их было множество, и ярких и цветных...
Но рабский труд прервал веселые затеи.

И вот, когда теперь, поникнув головой
И исподлобья в даль одну вперяя взгляды,
Раздумье набредет тяжелою ногой
И слышишь выстрел ты, — то старые заряды [8, т. 1, с. 153].

Фет объясняет здесь, почему он в столь преклонном возрасте продолжает писать стихи. Будучи молодым, он имел обыкновение читать свои лирические стихотворения друзьям, которые с удовольствием слушали и ценили искры его музыки. В строке «Но рабский труд прервал веселые затеи...» он говорит о периоде своего вынужденного молчания, но утверждает, что, несмотря на обрушившуюся на него критику, муза его была жива и все эти годы. Теперь, когда он достиг преклонных лет, лирические строки снова звучат свежо и смело, подобно залпам из пушек, заряженных вдохновением дней его юности. Фет написал эти строки за семь лет до смерти, когда он много и плодотворно работал.

После смерти Фета в 1892 году Владимира Соловьева глубоко волновала участь души его друга. В 1895 году он пишет:

С пробудившейся землею
Разлучен в немой стране
Кто-то с тяжкою тоскою
Шепчет: «Вспомни обо мне!»

Кто-то шепчет — «Вспомни обо мне!». Эта строка перекликается с фетовским «Друг мой далекий, // Вспомни обо мне» («Облаком волнистым...», 1843).

В 1897 году Вл. Соловьев опубликовал стихотворение «Памяти А. А. Фета», которое мы приводим ниже:

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен,
Он все сказал, что дух ему велел,
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?

Здесь тайна есть. Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой.
Непримиримое вздыхает сиротливо
И одинокое горюет над собой.

Строки этого стихотворения Соловьева говорят о том, что ему трудно примириться с мыслью о смерти великого поэта. Ведь поэзия и дух Фета живы, как живет его образ в сердце Соловьева, которому слышится таинственный голос, грустная и одинокая молитва.

И еще одно стихотворение под заголовком «А. А. Фету» написано Соловьевым в 1897 году, за три года до его собственной смерти. Автор просит благословения у своего умолкнувшего друга:

Все нити порваны, все отклики — молчанье,
Но скрытой радости в душе остался ключ,
И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.

И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещей снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.

Отшедший друг! Твое благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьет невидимый прибор.

Вл. Соловьев не только посвящал Фету стихи, но строил саму образную систему этих произведений, следуя фетовским художественным находкам; в его стихах так же возникает переход от света к сумеркам, неизменные и таинственные солнечные лучи и нечто скрытое, например невидимый прибор. В стихотворениях Вл. Соловьева множество метафор, свидетельствующих о существовании трансцендентального, о жизни за пределами нашей вселенной, о вечности. А ведь это все — неотъемлемая часть метафизической поэзии Фета (вспомним его выражения «до вечного свидания», «вещие сны», «бессмерт-

ные озарения», «умолкнувшие певцы», «приближение неуловимого», «отошедший друг»).

В 1898 году Соловьев пишет «Песню моря» — еще одно стихотворение, посвященное Фету. Автор размышляет в нем о том, какая участь постигнет поэтическое творчество Фета:

От кого это теплое южное море
Знает горькие песни холодных морей?
И под небом другим, с неизбежностью споря,
Та же тень все стоит над мечтою моей.

<...>

Брызги жизни сливались в алмазные грезы,
А теперь лишь блеснет лучезарная сеть, —
Жемчуг песен твоих расплывается в слезы,
Чтобы вместе с пучиной роптать и скорбеть.

Эту песню одну знает южное море.
Как и бурные волны холодных морей —
Про чужое, далекое, мертвое горе,
Что, как тень, неразлучно с душою моей.

Итак, тень Фета неотделима от его собственной души. Эта тень печали одинаково знакома как теплым морям юга, так и волнам ледяных северных морей. И здесь Соловьев создает те же образы, которые так часто возникали в стихах Фета: «жемчуг песен твоих расплывается в слезы», мертвая далекая тайна, известная только морю. Аллитерация рифмующихся слов в конце каждой строки: «море, морей, горе, моей» — один из излюбленных приемов Фета.

Можно с уверенностью сказать, что Фет приобщил Соловьева к мастерству стихосложения и музыкальности стиха. Незадолго до смерти (в 1898 году) Соловьев написал еще одно миниатюрное стихотворение, которое так напоминает нам раннего Фета:

Мимо Триады

Что-то здесь осиротело,
Чей-то светоч отсиял,
Чья-то радость отлетела,
Кто-то пел — и замолчал.

Все стихотворение состоит из одного единственного предложения — прием, который впервые использовал в русской поэзии Афанасий Фет в своем знаменитом: «Шепот, робкое дыханье» 1850 года. Местоимения «что-то», «что-то», «кто-то» подчеркивает расплывчатость и неясность сюжета, что также свойственно фетовской поэтической традиции.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. О русских поэтах. Элементарные слова о символической поэзии // Горные вершины: сб. ст. М., 1904. Кн. 1.
2. Блок А. А. Ирония // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 5.
3. Брюсов В. А. А. Фет. Искусство или жизнь // Мир искусства. 1903. № 1–2.
4. Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
5. Мочульский К. Владимир Соловьев, жизнь и учение. Париж, 1951.
6. Современник. 1857. № 2.
7. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
8. Фет А. А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
9. Bristol E. Turn of a century: 1895–1925 // The Cambridge History of Russian literature. Cambridge, 1989.
10. Connolly J. The nineteenth century 1880–1990 // The Cambridge History of Russian literature. Cambridge, 1989.

С согласия автора печатается по книге: Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М., 2003.

**ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

С момента вступления Литвы в Евросоюз выросло поколение русских детей, не видевших Москву и Петербург, зато освоивших все близлежащие европейские столицы. Их родной русский по-эмигрантски беден и убог. Они — поколение Интернета — газет не читают...

Н. Мацкевич

На конференции выступил корреспондент Немецкого радио, журналист доктор Хеннинг фон Левиз оф Менар. «Пушкинистом» он стал с моей легкой руки, поэтому расскажу здесь об этом и о его выступлении...

З. Кузнецова

Профессор Бэй Чуньжэнь, говоря о прошлом и настоящем китайской русистики, отметил, что сегодня значительно ослабло внимание к русской литературе. Он подчеркнул, что литература — это высшее проявление национального языка, подлинный источник познания русской культуры...

Ван Лие

А. К. Толстой в своей родовой истории и творчестве выступает как уникальный феномен русского самосознания и культуры. Сама его жизнь представляется в широчайших личных и творческих связях с деятелями культуры своего времени от Пушкина и Тёте до вершителей русского и мирового искусства...

А. Дмитровский

Произведение «Ничего кроме правды» русского художника-эмигранта Бориса Жердина — игровой текст с двойным кодом. Компетентный читатель без труда ощущает в подтексте трагические ноты, существующие в ироничной оболочке...

В. Белоусова